

Л. В. Столярова
П. В. Белоусов

Смерть царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 г.: новая версия¹

Воротынский. Ужасное злодейство! Полно, точно ль
 Царевича стубил Борис?
Шуйский. А кто же?
А. С. Пушкин. Борис Годунов

15 мая 1591 г. в удельном Угличе гул набатного колокола возвестил о смерти на княжеском дворе младшего брата царя Федора, восьмилетнего сына Марии Нагой и фактического наследника престола царевича Дмитрия. Сразу же родилась версия о злодейском убийстве царевича и были названы злоумышленники: сын дьяка Михаила Битяговского Данила, его племянник Никита Качалов и сын царевичевой мамки Осип Волохов. Вместе с самим дьяком и еще несколькими

¹ Авторы глубоко признательны сотрудникам центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» ИВИ РАН, а также участникам научно-исследовательского семинара члена-корреспондента РАН С.М. Каштанова в ИАИ РГГУ «Источниковедение истории России X–XVIII вв.» (особенно К.В. Баранову, К.Ю. Ерусалимскому, В.Ю. Кацу, А.В. Кузьмину, Н.А. Лузанову и А.С. Усачеву) принявшим участие в обсуждении этого исследования. Благодарим членов семинара доктора исторических наук М.С. Бобковой в ИВИ РАН «Люди и тексты», чьи вопросы, рекомендации и замечания, высказанные в ходе дискуссии по нашему докладу, были особенно полезны: Е.Е. Бергер, В.Н. Малова, М.А. Петрову и А.И. Сидорова. Слова особой признательности — доктору медицинских наук, профессору Надежде Дмитриевне Лакосиной, взявшей на себя труд ознакомиться с нашим исследованием в рукописи и сделавшей важные замечания медицинского характера. Интересом к событиям в Угличе 1591 г. авторы целиком обязаны Сергею Михайловичу Каштанову, который направлял их и никогда не отказывал в дружеском совете и консультации.

посадскими людьми и слугами они были зверски убиты толпой. Вскоре началось следствие, которое велось боярином Василием Ивановичем Шуйским, окольным Андреем Петровичем Луп-Клешниным, дьяком Елизарием Даниловичем Вылузгиным и представлявшим патриарха Иова крутицким митрополитом Геласием². В результате деятельности комиссии появилось Следственное дело³, которое 2 июня было доложено царю Федору Ивановичу и Освященному собору. В нем утверждалось, что небрежением Нагих царевич закололся ножом во время игры с ребятами-«жильцами» «в тычку», в припадке «черной болезни падучей».

«Черная болезнь падучая» — одно из существующих в русском языке XVI–XVII вв. определений *эпилепсии*⁴ (наряду с «падучая», «падучий недуг», «немочь падучая», «недуг», «болезнь», «черный недуг»). Эпилепсия — это хроническое заболевание, которое возникает преимущественно в детском или юношеском возрасте и характеризуется разнообразными пароксизмальными расстройствами, а также типичными изменениями личности, нередко достигающими выраженного слабоумия со специфическими клиническими чертами; на отдаленных этапах болезни могут возникать острые и затяжные психозы⁵.

Впервые понятие, означающее состояние человека, пораженного некой силой, появилось в трудах Авиценны (Абу Али ибн Сины) в IX в. Название болезни происходит от греч. ἐπι-λαμβάνω — занимать, охватывать, нападать, попадать, наткнуться на что-либо⁶. Латинскими эквивалентами понятия, под которыми это заболевание фигурирует в античных и средневековых источниках, являются *morbus sacer*, *morbus divinus* (священная болезнь), а также *morbus lunaticus* (лунная

² Подробнее см.: Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 153–154; см. также: Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963. С. 225; Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1983. С. 71–72; *Он же*. Лихолетье: Москва в XVI–XVII веках. М., 1988. С. 147–163; Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 104–110 и др.

³ РГАДА. Ф. 148: «Угличская Следственная комиссия во главе с князем В.И. Шуйским». Оп. 1. Д. 1. Издания текста Следственного дела см.: Следственное дело об убийении царевича Дмитрия Иоанновича, произведенное в Угличе по повелению государя царя Феодора Иоанновича боярином князем Василием Ивановичем Шуйским, окольным Андреем Петровичем Клешниным и дьяком Елизарием Вылузгиным. Писано 1591 года, в мае... // СГД. М., 1819. Ч. 2. № 60. С. 103–123; Суворин А.С. О Дмитрие Самозванце: Критические очерки, с приложением нового списка следственного дела о смерти царевича Дмитрия. СПб., 1906; Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия. 15 мая 1591 г. / Изд. подгот. В.[К]. Клейн. М., 1913; *Таймасова Л.* Трагедия в Угличе: Что произошло 15 мая 1591 года? М., 2006. С. 417–459 (репринт издания 1906 г.). В настоящее время авторами настоящей статьи готовится новое дипломатическое и факсимильное издание Угличского следственного дела.

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1986. Вып. 11. С. 108–109, 176; М., 1988. Вып. 14. С. 120–121.

⁵ Руководство по психиатрии в двух томах / Под ред. А.В. Снежневского. М., 1983. Т. 2. С. 3.

⁶ *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. М., 1991. Стб. 495–496.

болезнь). Как известно, «священную болезнь» упоминали Гераклит и Геродот. В средневековой Европе эпилепсия именовалась также «болезнью св. Иоанна», который будто бы страдал этим недугом⁷. В X–XI вв. появились понятия «падучий дьявол» и «падучая болезнь». В XIII в. в Европе распространилась точка зрения, что падучей можно заразиться через дыхание больного⁸.

Заболевание царевича Дмитрия носило наследственный характер. Очень вероятно, что какой-то формой эпилепсии, сопровождавшейся выраженными изменениями личности, страдал отец Дмитрия, царь Иван Грозный⁹. Польский хронист Рейнгольд Гейденштейн оставил любопытное свидетельство о том, что старший сын Ивана IV, царевич Иван Иванович перед смертью в 1581 г. пережил приступ эпилепсии, спровоцированный отцовским ударом «осном» (острием посоха) в висок: «или от удара, или от сильной душевной боли впал в падучую болезнь, потом в лихорадку, от которой и умер»¹⁰.

Умственно неполноценным был средний сын Ивана Грозного Федор. Английский посол в Россию Джильс Флетчер писал, что царь Федор Иванович «...росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водянке; нос у него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и недейтелен, но всегда улыбается, так что почти смеется... Он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен»¹¹. По словам Петра Петрея, Федор был «от природы простоватый и тупоумный»¹². Не имея охоты заниматься государственным управлением, царь Федор Иванович «находил свою отраду в образах и духовных делах, иногда бегал сам по церквам, благовестил и звонил в колокола»¹³. По словам того же Петрея, Иван Грозный нередко упрекал царевича в том, что «он больше походит на пономарского, чем на великокняжеского сына»¹⁴. Шведский король говорил о московском государе, что русские называют его на своем

⁷ Руководство по психиатрии... С. 3.

⁸ Эпилепсия и судорожные состояния у детей: Руководство для врачей / Под ред. П.А. Темина, М.Ю. Никаноровой. М., 1999. С. 17–18.

⁹ Ковалевский И.П. Иоанн Грозный и его душевное состояние. Психиатрические эскизы из истории. СПб., 1901; Глаголев Д.М. Душевная болезнь Иоанна Грозного // Русский архив. 1902. № 7. Об эпилепсии Грозного прямо писала создатель его патографии, крупный отечественный психиатр Н.Д. Лакосина.

¹⁰ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). СПб., 1889. С. 242.

¹¹ Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 122.

¹² Петр Петрей. История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, вере и обрядах, которую собрал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // Исаак Масса, Петр Петрей. О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 271.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

языке словом «durak». Папский нунций Антонио Поссевино сообщал, что умственное ничтожество Федора граничит с идиотизмом. Согласно источникам, русскому царю с трудом давалось исполнение придворных церемоний, которые до крайности его утомляли¹⁵. «Черным недугом» (эпилепсией) болел дальний родственник Ивана Грозного князь Иван Михайлович Глинский¹⁶, о котором Флетчер писал, что он «очень прост и почти полоумный»¹⁷. Младший брат царя Юрий (Георгий) Иванович мог страдать органическим поражением головного мозга, следствием которого была его глухонмота.

Все сыновья Ивана Грозного, не говоря о нем самом, отличались патологической жестокостью, чрезмерной религиозностью, мстительностью и злопамятностью, что свидетельствует о наличии специфических характерологических изменений личности, вероятно либо в связи с наличием заболевания эпилепсией, либо в связи с предрасположенностью к ней. Иван IV рос исключительно злобным мальчишкой. Как известно, уже лет в 12 любимейшей его забавой было «бессловесных» (т.е. кошек и собак) «крови проливати», сбрасывая их с высоты. Чуть повзрослев, он переключился на людей: с ватагой сверстников носился верхом по московским площадям и рынкам, чтобы «...всенародных человек, мужей и жен бити и грабити». В 1543 г. Иван IV впервые вынес смертный приговор. По наущению Глинских он приказал своим псарям схватить и убить ненавистного князя Андрея Михайловича Шуйского. Великому князю в то время было всего 13 лет. Официальный летописец писал об этой казни верноподданнически льстиво: «И от тех мест начали бояре бояться, от государя страх имети и послушание». В сентябре 1545 г. 15-летний государь уже приказывал отрезать язык Афанасию Бутурлину «за невежливое слово». Спустя год 16-летний монарх повелел отсечь головы своим бывшим любимцам — боярам Воронцовым и князю Ивану Кубенскому. С возрастом созерцание казней и пыток своих истинных и мнимых врагов стало доставлять Ивану IV истинное садистическое наслаждение¹⁸. Патологическая жестокость сочеталась в Грозном с исключительной религиозностью. Еще в юности он выучил наизусть множество библейских и евангельских текстов, заботился о сохранении порядка церковных служб и благоустройстве церквей. Считал себя наместником Бога на земле и возглавлял монашеское «братство», истреблявшее «крамолу», сочинял церковные каноны, обличал монахов и одновременно составлял синодики для поминовения убитых по его приказу лиц.

Царевич Иван Иванович не уступал отцу ни сластолюбием, ни набожностью, ни гневливостью, ни исключительной жестокостью. Голландский купец

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов... С. 20.

¹⁶ *Бычкова М.Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей. М., 1977. Вып. 38. С. 123

¹⁷ *Флетчер Д.* О государстве Русском... С. 34, 65.

¹⁸ Свидетельства невероятной жестокости Ивана IV содержатся, например, в записках Петра Петрея: *Петр Петрей.* История о великом княжестве Московском... С. 238–263.

Иссаак Масса, составивший записки о России, писал: «Второй сын [Грозного]... был назван по отцу Иваном и по своей натуре и повадкам чрезвычайно походил на него, и можно было предполагать, что он превзойдет своего отца в жестокости, ибо всегда радовался, когда видел, что проливают кровь»¹⁹. Царевич Иван Иванович вместе с отцом лично участвовал в опричных казнях, соперничая в изощренности и жестокости с профессиональными палачами (массовые казни 25 июля 1570 г. в Москве). Дикие забавы и кровавые потехи занимали и воображение слабоумного Федора Ивановича. Увлеченный ежедневными длительными молитвами, еженедельно ездивший на богомолье и любящий колокольные звоны, он упивался кровавым зрелищем кулачного и медвежьего боя.

Чудовищный по своей необузданной жестокости нрав отца сызмальства проявился в царевиче Дмитрие. Так, Конрад Буссов писал: «...он однажды приказал своим товарищам по играм, молодым дворянским сынам, записать имена нескольких князей и вельмож и вылепить их фигуры из снега, после чего стал говорить: “Вот это пусть будет князь такой-то, это — боярин такой-то”, и так далее, “с этим я поступлю так-то, когда буду царем, а с этим эдак” — и с этими словами стал отрубать у одной снежной куклы голову, у другой руку, у третьей ногу, а четвертую даже проткнул насквозь. Это вызвало в них страх и опасения, что жестокостью он пойдет в отца, ужасавшего своим жестокосердием, Ивана Васильевича, и поэтому им хотелось, чтобы он уже лежал бы подле отца в могиле. Особенно же хотел этого правитель (а его снеговую фигуру царевич поставил первой в ряду и отсек ей голову), который подобно Ироду считал, что, как учит известная пословица: “Melius est praevenire quam praeveniri” (Лучше предупредить события, чем быть предупрежденным ими), — в этом деле мешкать нельзя; нужно вовремя обезвредить юношу, чтобы из него не вырос тиран»²⁰. О детских играх маленького Дмитрия, жестоких и оскорбительных для Бориса Годунова и его приближенных, вслед за Буссовым пространно говорит Петр Петрей²¹. Авраамий Палицын передает слух, что Димитрий часто «в детских глумлениях глаголет и действует» оскорбительно в отношении окружения царя Бориса²². Флетчер свидетельствует об удивительной для 6–7-летнего мальчика садистической жестокости: «...младший брат царя, дитя лет шести или семи... содержится в отдаленном месте от Москвы, под надзором матери и родственников из дома Нагих... Русские подтверждают, что он точно сын царя Ивана Васильевича, тем, что в молодых летах в нем начинают обнаруживаться все качества

¹⁹ *Исаак Масса*. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // *Исаак Масса, Петр Петрей. О начале войн и смут...* С. 20.

²⁰ *Буссов К.* Московская хроника. М.; Л., 1961. С. 80.

²¹ *Петр Петрей*. История о великом княжестве Московском // *О начале войн и смут в Московии*. М., 1997. С. 272.

²² *Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и комментарии О.А. Державиной и Е.В. Колосовой*, М.; Л., 1955. С. 102.

отца. Он (говорят) находит удовольствие в том, чтобы смотреть, как убивают овец и вообще домашний скот, видеть перерезанное горло, когда из него течет кровь (тогда как дети обыкновенно боятся этого), и бить палкою гусей и кур до тех пор, пока они не издохнут»²³. Безусловно, глумление маленького мальчика над вылепленными из снега фигурами Бориса Годунова и других вельмож, подогревалось и провоцировалось Нагими. Однако сам факт участия Дмитрия в игровой инсценировке казней вкупе со склонностью к жестокому обращению с животными и любовью к созерцанию крови говорит о том, что семена ненависти, которые Нагие сеяли в царевиче, попадали на благодатную почву. Ею была измененная недугом личность наследника.

Источники свидетельствуют, что заболевание проявилось у царевича Дмитрия еще в раннем детстве (едва ли не в младенчестве). Так, во включенных в Следственное дело показаниях губного старосты Ивана Муринова говорится, что «...пришла на него *старая болезнь* падучий недуг». Рассыльщики показали, что «...и *преже того* ...на нем была ж та болезнь *по месяцам безпрестанно*». Авдотья Битяговская свидетельствовала, что «*многажды бывало*, как ево станет бити недуг...». В наказе приставу Роману Михайловичу Дурову, встречавшему литовского посланника Павла Волка весной 1592 г., говорилось: «А нечто учнут спрашивать о князе Углетцком, Дмитрее о углецком, каким обычаем его не стало, и Ратману мольги: Князь Дмитрея не стало судом Божиим. *А был болен черным недугом, таково на нем было при роженье, еще с млада была на нем та болезнь* (курсив наш. — Л.С., П.Б.)»²⁴.

Заболевание царевича также проявлялось в приступах помрачения сознания, когда он был особенно агрессивен по отношению к окружающим: «как на него болезнь придет, и царевича как станут держать, и он в те поры ест в нецывень»²⁵ за что попадется». Царевич «едал» в болезни руки у жильцов, попельниц, «бояроне» и был в беспамятстве; не помнил, что делал, и не мог отвечать за свои поступки. Поколел мать сваей²⁶, «кусал руки» у Андрея Нагого, а когда во время приступа искусал руки дочери Андрея, то «едва у него Ондреву дочь Нагова отнели». Авдотья Битяговская показала, что «многажды бывало, как ево станет бити недуг и станут ево держати Ондрей Нагой и кормилица и боярони, и он им руки кусал или за что ухватит зубом, то отъест».

Эпилептические изменения личности возникают далеко не у всех больных эпилепсией. Чаще они наблюдаются у тех, кто заболел с раннего детства, страдал частыми припадками, мало и нерегулярно лечился. У больных обычно имеет-

²³ Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 21.

²⁴ Подробнее об этом эпизоде см.: Зимин А.А. В канун грозных потрясений... С. 166.

²⁵ «В нецывень» — т.е. в беспамятстве (см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. С. 346).

²⁶ Сваля, свайка — большой толстый гвоздь или шип с утолщением (головкой), служащий для метания в лежащее на земле кольцо (см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1996. Вып. 23. С. 101).

ся склонность к дисфории (мрачному, угрюмому настроению), эксплозивность с застойностью аффекта, усиление влечений, сочетание злобной мстительности и злопамятности со слащавой сентиментальностью. У этих больных появляются мелочная аккуратность, скупость, недоверие к людям, властолюбие, тщательная забота о своих интересах в ущерб другим. Личностные изменения продолжают в сосредоточении интересов на собственной персоне, соблюдении исключительно своих выгод. У больного эпилепсией падает способность усваивать абстрактные знания, быстро слабеет творческое воображение. При затруднении в умственной работе нарастает аффективное напряжение, становится всё более трудно отличать существенное от второстепенного, постепенно беднеет запас слов, всё больше страдает память (как кратковременная, так и долговременная), однако избирательно надолго запечатлевается и легко воспроизводится всё связанное с отрицательным аффектом. Поэтому больные эпилепсией люди не забывают самых мелких обид, невнимательного отношения к себе. Критическое отношение к своему состоянию утрачивается рано, заметно нарушается моторика, обнаруживается тяжеловесность, медлительность движений, неловкость, скупость жестов, бедность мимики, а также плохая дифференциация тонких движений (ручная неумелость). Больные эпилепсией не любят новых людей, смены обстановки, перемены занятий. Для них характерна фанатичная религиозность, дающая себя знать беззаветной приверженностью к усвоенным идеалам, которые воспринимаются буквально, без учета ситуации и которые, с точки зрения больного, не подлежат никаким коррективам²⁷.

Что же говорят источники о состоянии здоровья Дмитрия Угличского в день его гибели? В опубликованной в 1864 г. А. Ф. Бычковым «Повести об убиении благоверного царевича князя Дмитрия Ивановича всеа Руси Углицкаго» содержится ряд бытовых деталей, не противоречащих данным Следственного дела и отсутствующих в других произведениях, посвященных гибели царевича. Бычков пришел к выводу, что «Повесть» была составлена «современником, бывшим близким ко двору царевича или имевшим знакомство с лицами, к нему принадлежавшими» и подчеркивал, что в «Повести» нет «ни одной черты, которая давала бы возможность заподозрить ее достоверность»²⁸. В «Повести» говорится о гибели царевича «по повелению изменника злодея Бориса Годунова». Царевичевы «душегубцы» Никитка Качалов и Данилка Битяговский будто бы «кормилицу его палицею ушибли, и она обмертвев пала на землю, и ему государю царевичу в ту пору киньяся перерезали горло ножом, а сами злодеи вскричали великим гласом».

Детально изучивший «Повесть» С. Ф. Платонов датировал ее временем не ранее 1606 г., обнаружил в ней ряд несообразностей и счел ее произведением малодостоверным, а потому не заслуживающим доверия как исторический

²⁷ Личко А.Е. Подростковая психиатрия: Руководство для врачей. Л., 1985. С. 385–386.

²⁸ Бычков А.Ф. Повесть об убиении царевича князя Дмитрия // ЧОИДР. М., 1864. Кн. 4: Смесь. С. 1–4. Здесь и далее текст «Повести» цитируется по этому изданию.

источник²⁹. Соглашаясь с Платоновым в том, что описание сцены убийства в «Повести» лишено черт достоверности, мы тем не менее склонны думать, что содержащееся в ней описание эпилептического припадка царевича в высшей степени достоверно и могло основываться на каких-то неизвестных или не сохранившихся источниках, отражавших реальную картину заболевания Дмитрия Угличского.

По свидетельству Василисы Волоховой, сохранившемуся в Следственном деле, у царевича отмечались припадки за три дня до смерти (12 мая). Еще раньше — на Пасху и «в великое говенье» — царевич также пережил тяжелые приступы эпилепсии, зафиксированные источниками. Последняя серия припадков у царевича длилась несколько дней. Они начались во вторник, и только на третий день Дмитрию «маленько стало полехче». Согласно «Повести», 15 мая «... царевич по утру встал дряхл с постели и голова у него, государя, с плеч покатилася». Вероятно, при пробуждении ребенок перенес эпилептический припадок на фоне имеющейся у него астении. О причинах астенического состояния царевича источники не дают оснований судить уверенно. Оно могло быть как следствием недоедания в Великий пост и возможного авитаминоза, так и проявлением его болезни. Несмотря на утреннюю слабость и припадок, он пошел с матерью к обедне и стоял со всеми службу в душном помещении, где горели свечи и источали тяжелый аромат благовония. К моменту гибели царевич всего один раз ел. Затем Мария Нагая отослала сына играть во двор «в тычку ножиком» с четырьмя сверстниками («с робятками жильцами») — сыновьями кормилицы и постельницы Петрушей Колобовым и Баженом Тучковым, а также Иваном Красенским и Гришей Козловским. Согласно «Повести», «...царевич пошел к обедне и после евангелия у старцев Кириллова монастыря образы принял, и после обедни пришел в свои хоромы, и платыцо переменял и в ту пору с кушаньем взошли и скатерь постлали и Богородицын хлебец священник вынул, и кушал царевич по единожды днем... и после того похотел испити, и ему, государю, поднесли испити, и испивши, пошел с кормилицею погуляти...».

Итак, ярким солнечным днем, в жару, больной эпилепсией астенизированный мальчик, одетый в тяжелые великокняжеские одежды, выходит на улицу. В таких обстоятельствах естественно ожидать приступа, который не замедлил случиться. В руках у тяжело больного мальчика — «ножичек» для игры «в тычку». Эпилептики нередко наносят травмы себе и окружающим во время припадка. Способ, каким царевич 15 мая «на заднем дворе... тешился» с «робятками», был явно выбран неудачно, так как являлся очевидно опасным. Тот факт, что мать царевича отправила больного ребенка играть с ножом в руках, а его мамка, нянька и постельница спокойно наблюдали за этой игрой, пока не случилась трагедия, с позиций теперешнего исследователя выглядит, по меньшей мере, странным. Однако историк Р. Г. Скрынников объясняет такое поведе-

²⁹ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913. С. 366.

ние взрослых «привычками и нравами чванливой феодальной знати, никогда не расстававшейся с оружием»³⁰. Ученый пишет о том, что сабля и нож на бедре являлись признаком благородного происхождения их владельца, почему сыновья знатных персон в России были привычны к оружию с ранних лет³¹. К этому можно только добавить, что в эпоху средневековья, когда не сформировались еще представления об особенностях детской психофизиологии, дети считались всего лишь взрослыми маленького роста. Соответственно они носили те же одежды и играли в те же игры, что и их взрослые современники, с той только разницей, что модели и того, и другого были иного (меньшего) размера. Не сформировались в России XVI в. и представления о том, что больному «падучей болезнью» нужен особый охранительный режим и не должны быть доступны колющие и режущие предметы. Привычное поведение заслонило здравый смысл. Поэтому нет ничего удивительного в доступности царевичу «ножичка» в период явного обострения его недуга.

Материалы Следственного дела содержат детали, позволяющие врачу-психиатру уверенно реконструировать обстоятельства гибели царевича Дмитрия Угличского. Непосредственные свидетели трагедии обратили внимание, что во время рокового приступа болезни, когда царевич «набрушился» горлом на нож, его «било долго». Это ключевые слова, необходимые для понимания картины происходившего. Василиса Волохова свидетельствовала: «...бросило его о землю, и тут царевич сам себя поколол в горло, *и било его долго*». Ей вторит Семейка Юдин: «бросило его о землю *и било его долго*». То же показывает Федор Огурец: «...тут его ударило о землю, *и он, бьючись*, ножом сам себя поколол». Согласно показаниям Марьи Самойловой, «...его бросило о землю, а у него был ножик в руках, и он тем ножиком сам покололся». То же сообщили четверо царичиных детей боярских: «...и его де бросило о землю, *и било его долго*». Истопники свидетельствуют: «...и пришла на него старая болезнь падучий недуг, и его в те поры ударило о землю, и он на тот нож набрушился сам». Этим показаниям соответствуют слова губного старосты Ивана Муринова «...и в те поры пришла на него немочь падучая, *зашибло его о землю и учало его бити* и в те поры он покололся ножом по горлу сам». Русин Раков показывает: «...и в те поры на него пришла падучая немочь и зашибло... его о землю, *и учало его бити*» и т. д.

Безусловно, достаточно изученный историками механизм составления Следственного дела, а также специфика записи расспросных речей в XVI в. вносят определенные коррективы в достоверность этих показаний³². Тем не менее,

³⁰ *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. С. 20, 71–72.

³¹ *Скрынников Р.Г.* Лихолетье: Москва в XVI–XVII веках. М., 1988. С. 147–163.

³² См., например: *Веселовский С.Б.* Отзыв о труде В.К. Клейна «Угличское следственное дело о смерти царевича Димитри 15-го мая 1591 г.» // Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 156–189; *Богданов А.П.* Филиграноведение в современном исследовании: загадка дела о смерти царевича Дмитрия // Богданов А.П. Основы филиграноведения: История, теория, практика. М., 1999. С. 201–306.

не останавливаясь сейчас на специфических проблемах источниковедения, еще раз заметим, что с точки зрения современной психиатрии материалы Следственного дела содержат высокодостоверные описания последнего приступа болезни царевича. Эти описания не оставляют сомнения, что смерть царевича наступила **не вследствие обычного приступа эпилепсии**, а в результате развившегося у него наиболее драматического состояния в эпилептологии — **эпилептического статуса**. Во время эпилептического статуса припадки следуют один за другим с очень короткими паузами («било его долго»), не восстанавливается сознание, значительно нарушено дыхание, нарушен гомеостаз и возникает непосредственная угроза жизни³³. Во время эпилептического статуса больные находятся в глубокой прострации. Характерными считаются бесконечно повторяющиеся тонические судороги с выраженным напряжением мышц и постепенно нарастающим цианозом, достигающим фиолетовой окраски кожи лица. Тонические судороги сменяются клоническими, во время которых слышно клопочущее дыхание. Черты лица больного заостряются. Зрачки расширяются настолько резко, что возникает впечатление агонии больного. Пульс нитевидный, частый, прощупывается с трудом. Нарушения внешнего дыхания при эпилептическом статусе наиболее значительны. Они часто проявляются в виде ритмически повторяющихся циклов асфиксии, примерно в четверти случаев развивается окклюзия верхних дыхательных путей вследствие западения языка и свисания мягкого нёба, утраты глоточного и кашлевого рефлексов и аспирации рвотных масс. Особенно часто наблюдается рвота при эпилептическом статусе у детей³⁴. Даже при современном состоянии неотложной медицинской помощи погибает каждый четвертый ребенок, переживающий состояние эпилептического статуса³⁵. Обычный приступ эпилепсии продолжается всего несколько минут и никак не может быть охарактеризован словами «било... долго».

Далеко не все допрошенные в ходе следствия лица дали показания об обстоятельствах гибели царевича Дмитрия. Подавляющее большинство не сообщило о характере (колотая, резаная, колото-резаная) и локализации раны царевича (на горле, на теле). Никто не указал, имеются ли следы крови на одежде и теле Дмитрия, а также на одежде и руках других лиц, находившихся во время гибели мальчика рядом с ним. Никто не уточнил, каковы эти следы и как расположены. Уже одно это позволило бы сделать заключение о том, мог ли царевич ранить себя сам или смертельную рану ему нанес кто-то другой. Мы не знаем ни положения мертвого тела мальчика, ни того, как относительно туловища были расположены его руки, ни того, сжимал ли он, уже мертвый, свой ножичек или он был отброшен в сторону, воткнут в землю, оставался в ране и т.п. Наконец,

³³ См., например: *Кириллов В.А.* Эпилептический статус. М., 1974; *Он же.* Судорожный эпилептический статус. М., 2003.

³⁴ Эпилептический статус и другие судорожные состояния // Руководство для врачей скорой помощи / Под ред. В.А. Михайловича. Л., 1990. С. 491; см. также с. 492–493.

³⁵ Там же.

нигде, ни в одном документе не говорится о том, что Следственная комиссия осмотрела тело царевича и удостоверилась в том, что он погиб именно от ножевого ранения (например в горло). Более того, Нагие особо позаботились о том, чтобы укрыть тело царевича от посторонних глаз под предлогом «чтоб хто царевича тела не украл».

Версию о насильственной гибели царевича озвучили, в первую очередь, Нагие. Об убийстве сына сразу же закричала Мария Нагая, что отмечали непосредственные свидетели гибели царевича. Василиса Волохова показала, что вслед за этим царица с братом распорядились убить «душегубцев»: «...и царица, де, Марья и Михаило Нагой велели убити Михаила Битяговского и Михайлова сына, и Микиту Качалова, и Данила Третьякова. А говорила, де, царица миру: то, де, душегубцы царевичю».

То, что царица наравне с братьями инициировала избиение «злодеев», приказав ударить в набат, показал пономарь Федор Огурец («и как прибежал к церкви к Спасу и к [не]му встречу бежит Кормового дворца стряпчей Субота Протопопов, и велел ему у Спаса в колокол звонити, да ударил ево в шею и велел ему сильно звонити, а говорил ему Субота перед Григорьем Нагим, а сказал, что ему велела звонить царица Марья, и он потому и звонил в колокол»). О расправе над Осипом Волоховым на глазах царицы поведал Следственной комиссии архимандрит Феодорит: «А Осипа Волохова привели при них, при нем, при архимарите при Феодорите, и при игумене Саватее, к церкви Спасу перед царицу, толко чють жива, и тут ево перед царицею прибили до смерти». Царица не остановила и глумление над Авдотьей Битяговской и ее дочерьми. Напротив, она как будто жаждала крови: «А Михайлову жену Битяговского з двумя дочерми привели тут же к Спасу и хотели их побити ж, и он, архимарит Феодорит и игумен Саватеи, ухватили Михайлову жену Битяговского з дочерми и отняли их, и убити их не дали. И посадцкие люди Михайлову жену и дочереи держали у Спаса».

Михаил Нагой в своих расспросных речах рассказал следующее: «зазвонили в городе у Спаса в колокол, а он, Михайло, в те поры был у себя на подворье и чаял он того, что горит... бежал он к царевичу на двор, а царевича зарезали». Показания Андрея Александровича Нагого в отношении насильственной смерти Дмитрия менее определенны: «царевич ходил на заднем дворе и тешился с робяты, играл через черту ножом, и закричали на дворе, что царевича не стало, и збежала царица сверху; а он, Ондреи, в те поры сидел у ествы и прибежал туто ж к царице, а царевич лежит у кормилицы на руках мертв; а сказывают, что его зарезали, а он тово не видал, хто его зарезал».

Григорий Нагой сразу же после трагедии как будто поддержал версию об убийстве царевича. Именно он сменил царицу, уставшую бить Василису Волохову, принявшись орудовать поленом: «и царица, де, велела ее тем же поленом бити по боком Григорью Нагово». Однако на следствии Григорий Федорович ничтоже сумняшея показал, что царевич погиб в результате несчастного

случая: «...поехали они, Михаило, брат ево, да он, Григорей, к себе на подворье обедать; и только они пришли на подворье, ажно зазвонили в колокола, и они чаели, что загорелось, и прибежали на двор, ажно царевич Дмитрей лежит, набрушился сам ножом в падучей болезни».

Достаточно уклончиво, не поддержав прямо ни версию о самозаклании, ни версию об убийстве царевича, высказался на следствии духовник Григория Нагого поп Богдан: «сказали, что царевича Дмитрея не стало». Игумен Алексеевского монастыря Савватий сообщил, что «слуги... сказали, што царевич Дмитрей зарезан, а тово не ведают, хто его зарезал». Воскресенский архимандрит Феодорит показал то же самое: «слуги..., пришотчи, сказали, что они слышали от посадцких людей и от посошных, что будто се царевича Дмитрея убили, а того неведомо, хто его убил»³⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что в материалах Следственного дела нигде не называется имя Бориса Годунова. А. А. Зимин предполагал, что не отличавшийся смелостью князь Василий Шуйский не решился упомянуть все-лишнего правителя даже в форме опровержения его причастности к убийству, хотя среди сторонников версии о насильственной гибели Дмитрия наверняка были лица, убежденные в прямой заинтересованности в этом царского шурина³⁷.

Среди материалов дела есть показания лиц, ничего не сказавших об обстоятельствах гибели царевича Дмитрия: поп Степан, холоп Михаила Нагого Бориска Афанасьев, стряпчий Суббота Протопопов, пищик дьяка Михаила Битяговского Степанка Корякин, конюх Данилка Григорьев, сторож Дьячей избы Евдоким Михайлов и «добрые» посадские люди.

Только трое³⁸ (Василиса Волохова, Иван Муринов, Михаил Григорьев) уточнили, что царевич погиб, полоснув себя по горлу («сам себя поколол в горло», «он покололся ножом по горлу сам», «он себя поколол сам в горло»). Большинство свидетелей и участников трагедии показали, что Дмитрий умер, напорвшись на нож («набросился на нож», «ножом покололся», «бьючися, ножом

³⁶ Зимин А.А. В канун грозных потрясений... С. 162–163.

³⁷ Там же. С. 163.

³⁸ А не «все очевидцы гибели Дмитрия», как утверждал Р.Г. Скрынников (см.: *Скрынников Р.Г.* Россия накануне Смутного времени. С. 81). Важно заметить, что из этих троих могла непосредственно наблюдать картину смерти царевича только Василиса Волохова. В момент смерти рядом с царевичем были три взрослые женщины (мамка, кормилица и постельница) и четверо маленьких «жильцов» — сверстников царевича. Стряпчий Семейка Юдин мог видеть случившееся из окна. Таким образом, из восьми непосредственных свидетелей драмы о ранении горла сообщил только один — мамка Василиса Волохова (см. также: *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен... С. 98). Нельзя не заметить, что жильцы Василису в своих показаниях не упомянули, заявив, что на дворе с царевичем были «только они, четыре человеки жилцов, да кормилица, да постельница». Причина «забычивости» жильцов неясна. Подробнее об этом см.: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений... С. 157–158. Кроме того, очевидно, что показания жильцов записаны в некоем обобщенном пересказе, скрывшем детали наблюдаемой мальчиками трагедии (см.: *Полосин И.И.* Социально-политическая история... С. 230, 237; ср.: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений... С. 158).

сам себя поколол», «накололся ножом сам», «покололся ножом сам», «накололся ножом в черной болезни», «себя поколол ножом сам», «на нож сам накололся», «и он тою сваею, которою играл, покололся», «и он накололся»). При этом неясно, в какой момент было получено роковое ранение: во время конвульсий, когда царевич «бился» на земле, или «летячи» — при падении.

Известно, что крупнейший детский epileptолог, профессор Р. А. Харитонов, консультировавший эксперта-криминалиста И. Ф. Крылова по вопросам, связанным с гибелью царевича, вынес следующее заключение: «...царевич Дмитрий страдал эпилепсией с психомоторными и генерализованными судорожными припадками. Описываемые картины припадков³⁹ соответствуют действительности. Царевич не мог сам резать себя ножом ни во время малого припадка, ни во время психомоторного припадка. Царевич нанести себе повреждения сам не мог, так как во время большого припадка больной всегда выпускает из рук предметы, находящиеся в руках»⁴⁰.

Пытаясь найти выход из весьма затруднительного положения, в которое поставило судебно-медицинского эксперта заключение профессора Харитонова, И. Ф. Крылов предложил свою версию развития угличской драмы. Он предположил, что царевич был непреднамеренно убит неосторожно брошенным кем-то из «робяток» ножом во время игры⁴¹.

Еще одну версию гибели Дмитрия высказал Ю. А. Молин. Он считал, что царевич случайно напоролся на нож, который во время игры в «тычку» уже был брошен кем-то из мальчиков (т. е. не находился у Дмитрия в руке) и воткнулся в землю рукоятью так, что острие его было обращено вверх. Упав во время припадка, царевич напоролся на него горлом и погиб. Впрочем, Молин считал весьма вероятным и другое: царевич все-таки «самозаклался», поскольку нож, который он держал в руке во время игры, не обязательно должен был выпасть в первые десятки секунд приступа. Только во второй фазе большого эпилептического припадка — фазе клонических судорог — мышцы расслабляются, и из рук выпадают прежде зажатые в них предметы. Этим нескольким десяткам секунд первой фазы припадка — фазы тонических судорог — вполне было достаточно, чтобы царевич ударил себя по горлу⁴².

Поскольку о ранении в горло прямо говорит непосредственная участница и свидетельница гибели мальчика Василиса Волохова, сомневаться в том, что нож пришелся по горлу, как будто не приходится. **Однако была ли эта рана смертельной?** Если при ножевом ранении горла повреждается сонная артерия, или яремная вена, или нерв, ведущий к сердцу (сосудисто-нервный пучок), смерть наступает мгновенно от остановки сердца или в считанные минуты

³⁹ Имеются в виду описание припадков царевича в Следственном деле, с которыми проф. Р. А. Харитонов ознакомил И. Ф. Крылов.

⁴⁰ Крылов И. Ф. Были и легенды криминалистики. Л., 1987. 216 с.

⁴¹ Там же.

⁴² Молин Ю. А. Тайны гибели великих. СПб., 1997. 304 с.

после повреждения крупных сосудов. Неизбежна мгновенная фатальная кровопотеря. Обращает на себя внимание, что упоминаний крови и описания фонтанирующего кровотечения, которое невозможно не заметить и вряд ли можно забыть, ни в одном источнике (и прежде всего — в Следственном деле) нет. Возможно образование пульсирующей гематомы внутри шеи, которая, постепенно увеличиваясь, сдавливает сосуды и трахею, и вызывает гипоксию головного мозга и смерть. Но и в этом случае ребенка не могло «бить долго», а это значит, что смерть царевича наступила не в результате ножевого ранения шеи⁴³, а от эпилептического статуса. Иными словами, как бы ни рассматривать трагедию в Угличе 15 мая 1591 г. — как следствие злонамеренных действий рвущегося к власти Бориса Годунова (смерть царевича не была ему невыгодна!), или как несчастный случай и «самозаклание», — ясно, что гибель царевича произошла не в результате «самозаклания» и не в результате ранения его в шею мнимыми или явными преступниками. Царевича убила его болезнь.

Косвенно о том, что царевич погиб вследствие эпилептического статуса, свидетельствует поведение взрослых женщин (мамки Василисы Волоховой, кормилицы Арины Тучковой и постельницы Марьи Колобовой), сопровождавших его на прогулке, и матери — царицы Марии Нагой. Материалы Следственного дела не дают твердых оснований заключить, в какой момент трагедии возле царевича оказалась его мать: когда царевич уже умер, или когда находился в агонии (напомним, что больной, переживающий эпилептический статус, внешне неотличим от агонизирующего). Состояние царевича было настолько тяжелым, а проявления болезни незабываемо и необычно страшными, что бывшие при нем мамка, кормилица и постельница не только не сумели, но, испугавшись, и не попытались оказать ему никакой помощи. Такое поведение взрослых в момент гибели царевича вызывало недоумение историков. Н. И. Костомаров, например, видел в этом странном поведении мамки, няньки и постельницы косвенное свидетельство тому, что гибель мальчика не была случайной и что он был убит: «Спрашивается, как бы ни были просты женщины, окружавшие ребенка, но возможно ли предположить, чтоб они все были до такой степени глупы, чтобы после всего того, что царевич уже делал, давали ему играть с ножом? И неужели мать, которую он ранил, не приняла мер, чтобы у мальчика не было в руках ножа? Допустим, однако, что несчастный больной царевич был предоставлен на попечение таких дур, каких только можно было, как будто нарочно, подобрать со всей Московской земли. Способ его самоубийства чересчур странный. Он играет в тычку с детьми, с ним делается припадок; судя по тому, как он кусал девочке руки, бросался на жильцов и постельниц и даже ранил мать своей, надобно было ожидать, что царевич ударит ножом кого-нибудь из игравших с ним детей, — нет, он сам себя хватил по горлу!»⁴⁴ Материалы Следственного

⁴³ Благодарим за консультацию о ранениях шеи и их последствиях хирурга высшей квалификационной категории, к.м.н. П.С. Глушкова (Центральная клиническая больница РАН).

⁴⁴ *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. М., 1990. Кн. 1. С. 61.

дела позволяют судить о том, что прежде, когда у царевича случались припадки, его хотя бы пытались «держатъ», чтобы предупредить нанесение им травм себе и окружающим «в нещывень» («...многожды бывало, как ево станет бити недуг и станут ево держати...», «...как на него болезнь придет, и царевича как станут держатъ...»). В день трагедии у кормилицы Арины Тучковой только и хватило сил, что взять его, умирающего или уже умершего, на руки. Впрочем, как уже говорилось, больному ребенку в состоянии эпилептического статуса нередко нельзя помочь даже в условиях современной медицины. В XVI в. сделать это было совершенно невозможно.

Подведем итоги. 1) Царевич Дмитрий страдал эпилепсией с генерализованными судорожными припадками и их эквивалентами, выражавшимися в помрачении сознания (сумеречное сознание) и агрессивном поведении по отношению к окружающим. 2) Смерть царевича Дмитрия наступила, по-видимому, в результате серии непрекращающихся эпилептических припадков (эпилептического статуса). 3) Во время непрекращающихся эпилептических припадков царевич Дмитрий мог получить рану в горло, которая, однако, вряд ли была смертельной. 4) В источниках отсутствуют сведения о том, что в отношении царевича Дмитрия предпринимались какие-либо меры медицинского характера, способные смягчить проявления его заболевания (в лучшем случае его «держали» и оттаскивали от других во время приступа). Не исключено приглашение к нему ведунов и ведуний в наиболее острые периоды болезни (Андрюшки Мочалова, «жоночки уродливой» и др.), которые не лечили его, а только «портили». Косвенно это говорит о тяжести течения его болезни, которая практически ничем не купировалась, быстро прогрессировала и не давала надежды на сколько-нибудь стойкую ремиссию. Царевич Дмитрий был обречен.

Как известно, еще среди современников тех трагических событий распространился слух, что малолетний наследник был заблаговременно спрятан родственниками, а вместо него был убит другой мальчик. В частности, Жак Маржерет прямо писал о том, что Борис Годунов готовил убийство царевича. Но поскольку «многие вельможи, отправленные в ссылку, были в дороге отправлены», Мария Нагая «и некоторые другие вельможи... сумели подменить его и подставить на его место другого [ребенка]», который позднее и погиб в Угличе⁴⁵. Маржерет побывал в России при Лжедмитрии I, состоял у него на службе и, конечно же, излагал официальную версию, бытовавшую при его дворе⁴⁶. Несмотря на то что версия о подмене наследника другим мальчиком явно несостоятельна, впоследствии она была подхвачена некоторыми исследователями Смутного времени. Более того, сторонники версии спасения подлинного Дмитрия не исключали вероятности, что царевич Дмитрий был

⁴⁵ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. М., 2007. С. 124–125.

⁴⁶ *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений... С. 169.

укрыт Нагими, и не без помощи Горсея⁴⁷. Именно участием последнего в судьбе царевича объясняют строки письма лорду Сесилу о «многих... необыкновенных делах», о которых Горсею было бы писать «опасно». Однако версия о сокрытии подлинного Дмитрия Горсеем кажется нам маловероятной и даже фантастической⁴⁸.

Не исключено, что Следственная комиссия Василия Шуйского явилась в Углич, заранее имея решение об итогах следствия. Это решение не должно было скомпрометировать действующую власть, но должно было дать возможность наказать Нагих (т. е. устранить их от трона окончательно и бесповоротно). Вывод комиссии о самозаклании Дмитрия вследствие небрежения Нагих и «божьем судом» как нельзя лучше отвечал этой задаче. По распоряжению правительства царя Федора Ивановича, родственников вдовой царицы разослали по тюрьмам, а саму Марию Нагую насильно постригли в монастыре на Выксе. Угличане — участники волнения — подверглись пыткам, массовым казням и ссылке в Сибирь во вновь построенный городок Пелым. Углич запустел.

В начале XVII в. царевич Дмитрий как бы «воскрес» для истории. Самозванцы Лжедмитрий I в 1605–1606 гг. и Лжедмитрий II в 1607–1610 гг. выдавали себя за чудом спасенного сына Ивана IV. В ответ на это правительство царя Василия Шуйского (1606–1610 гг.) канонизировало «невинно убиенного отрока» и тем самым перечеркнуло выводы Следственной комиссии 1591 г. На сей раз утверждалось, что по наущению Бориса Годунова к царевичу были подсланы зарезавшие его убийцы. С тех пор бытуют две версии гибели Дмитрия Угличского. Одна объясняет его смерть убийством, другая — «самозакланием»⁴⁹. Однако как бы ни рассматривать причину смерти царевича, очевидно, что смерть маленького больного мальчика в удельном Угличе оказалась прологом к событиям Смутного времени. Династический кризис и пресечение династии Ивана Калиты на московском престоле, деятельность в России и Европе самозванцев Лжедмитрия I и Лжедмитрия II (первому из них удалось на целый год стать венчанным на царство государем), Крестьянская война начала XVII в. и польско-шведская интервенция были тесно связаны с событиями мая 1591 г. в Угличе и развивались по сценарию, так или иначе определенному кончиной царевича Дмитрия.

⁴⁷ См. об этом: *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? С. 89.

⁴⁸ *Столярова Л.В., Белоусов П.В.* Джером Горсей о событиях мая–июня 1591 года в Угличе и в Москве // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 461–496.

⁴⁹ Предложенную нами гипотезу гибели царевича вследствие развившегося у него эпилептического статуса см.: *Белоусов П.В., Столярова Л.В.* Царевич Дмитрий Иванович: самозаклание, убийство, или... (опыт патографии) // Медицинская экспертиза и право. 2010. № 2. С. 49–54.

Abstract**L. V. Stolyarova, P. V. Belousov. The death of tsarevich Demetrius at Uglich in 1591 on May 15: a new version**

The aim of the paper is to look over the circumstances in which the death of tsarevich Demetrius, the youngest son of Ivan the Terrible, took place at Uglich in 1591 on May 15. The death of this boy who was then at the age of eight turned out to be one of the key events in history of the Time of Troubles in Russia. Two versions concerning the causes of his death appeared immediately after the tragedy. According to one of them the prince had occasionally committed suicide at the paroxysm of epilepsy («black falling sickness»). Another version asserted that the prince was killed by some agents of Boris Godunov especially sent for his murder. The both versions became firmly fixed in the science and had not been reviewed.

The deadly wound in throat is regarded in literature as an immediate cause of the boy's death. The historical sources reflecting the peculiarities of the prince Demetrius's personality and the course of his illness consist of an inquest, memoirs of some foreigners, Russian chronicles and novels on the Time of Troubles, etc. They are studied and commented in the present paper for the first time by a historian and a psychiatrist in common. The authors suppose that the potential heir of the Russian throne perished not due to usual fit of epilepsy that provoked his fall on the knife, but in consequence of a long-developed epileptic status, the most precarious in epileptology. As for the wound inflicted with a knife, its presence on the prince's body is testified in the documents, but the authors guess that this injury had not been a mortal one.

Key words: Time of Troubles in Russia, the death of tsarevich Demetrius, epileptology, epileptic status.

References

- Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973.
- Arnautova Yu.E.* Kolduny i svyaty: Antropologiya bolezni v srednie veka. SPb., 2004.
- Belousov P.V., Stolyarova L.V.* Carevich Dmitrii Ivanovich: samozaklanie, ubiistvo, ili... (opyt patografii) // Medicinskaya ekspertiza i pravo. 2010. № 2. S. 49–54.
- Bussov K.* Moskovskaya hronika. M.; L., 1961. S. 80.
- Bychkov A.F.* Povest' ob ubienii carevicha knyazya Dmitriya // Chteniya v Obshestve istorii i drevnostei rossiiskih. M., 1864. Kn. 4. Smes'. S. 1–4.
- Bychkova M.E.* Rodoslovie Glinskih iz Rumyancevskogo sobraniya // Zapiski Otdela rukopisei [Gosudarstvennoi biblioteki SSSR im. V.I. Lenina]. M., 1977. Vyp. 38. S. 123.
- Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales Sous la direction d'A. Dechambre et L. Lereboullet. Paris, 1887. T. XVII.

- Epilepsiya i sudorozhnye sostoyaniya u detei: Rukovodstvo dlya vrachei / Pod red. P. A. Temina, M. Yu. Nikanorovoi. M., 1999. S. 17–18.
- Epilepticheskii status i drugie sudorozhnye sostoyaniya // Rukovodstvo dlya vrachei skoroi pomoshi / Pod red. V. A. Mihailovicha. L., 1990. S. 491–493.
- Fletcher D.* O gosudarstve Russkom. SPb., 1906. S. 21, 34, 65, 122.
- Geidenshtein R.* Zapiski o Moskovskoi voine (1578–1582). SPb., 1889. S. 242.
- Glagolev D. M.* Dushevnyaya bolezn' Ioanna Groznogo // Russkii arhiv. 1902. № 7.
- Gorsei D.* Zapiski o Rossii. XVI — nachalo XVII v. / Per. i sost. A. A. Sevast'yanovoi. M., 1990.
- Guzeva V. I.* Epilepsiya i neepilepticheskie paroksizmal'nye sostoyaniya u detei. M., 2007.
- Kashtanov S. M.* Diplomatika kak special'naya istoricheskaya disciplina // Vo-prosy istorii. M., 1965. № 1. S. 39–44.
- Kirillov V. A.* Epilepsiya. M., 1990.
- Kirillov V. A.* Epilepticheskii status. M., 1974.
- Kirillov V. A.* Sudorozhnyi epilepticheskii status. M., 2003.
- Klein V. K.* Delo rozysknoe 1591 godu pro ubivstvo carevicha Dmitriya Ivanovi-cha na Ugliche. M., 1913 (fototipicheskoe vosproizvedenie teksta).
- Kobrin V. B.* Ivan Groznyi. M., 1989.
- Kobrin V. B.* Komu ty opasen, istorik? M., 1992. S. 83–130.
- Kolupaev G. P., Klyuzhev V. M., Lakosina N. D. i dr.* Ekspediciya v genial'nost': Psihobiologicheskaya priroda genial'noi i odarennoi lichnosti. Patograficheskie opisanija zhizni i tvorchestva velikih lyudei. M., 1999.
- Kostomarov N. I.* Istoricheskie monografii i issledovaniya. M., 1990. Kn. 1. S. 61 (O sledstvennom dele po povodu ubieniya carevicha Dmitriya).
- Kovalevskii I. P.* Ioann Groznyi i ego dushevnoe sostoyanie. Psihiatricheskie eskizy iz istorii. SPb., 1901.
- Lémery Nicolas.* Pharmacopée universelle. Nyon: J.-T. Hérissant, 1764. T. II.
- Lichko A. E.* Podrostkovaya psihiatriya: Rukovodstvo dlya vrachei. L., 1985. S. 385–386.
- Lur'e Ya. S.* Pis'ma Dzheroma Gorseya // Uch. zap. Leningradskogo gos. un-ta. Seriya istorich. nauk. L., 1941. Vyp. 8. № 73. S. 199–201.
- Marzheret Zh.* Sostoyanie Rossiiskoi imperii: Zh. Marzheret v dokumentah i issledovaniyah (Teksty, kommentarii, stat'i) / Pod red. An. Berelovicha, V. D. Nazarova, P. Yu. Uvarova. M., 2007.
- Massa Isaak.* Kratkoe izvestie o nachale i proishozhdenii sovremennykh voin i smut v Moskovii, sluchivshihsy do 1610 goda za korotkoe vremya pravleniya neskol'kih gosudarei // Isaak Massa, Petr Petrei. O nachale voin i smut v Moskovii. M., 1997.
- Morozova L. E., Morozov B. N.* Ivan Groznyi i ego zheny. M., 2005.
- Nasledstvennye narusheniya nervno-psihicheskogo razvitiya detei: Rukovodstvo dlya vrachei / Pod red. P. A. Temina, L. Z. Kazancevoi. M., 2001.

- Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vekov. M., 2002.
- Panov I. E.* Otechestvennaya sudebnaya medicina s drevnosti do nashih dni. M., 2011.
- Panova T.* Srednevekovaya Rus': Yady kak sredstvo svedeniya schetov // Nauka i zhizn'. 2006. № 8. S. 115.
- Perrie M.* Jerome Horsey's Account of the Events of May 1591 // Oxford Slavonic Papers. 1980. Vol. 8.
- Petrei Petr.* Istoriya o velikom knyazhestve Moskovskom, proishozhdenii velikih russkikh knyazei, nedavnih smutah, proizvedennyh tam tremya Lzhedmitriyami, i o moskovskikh zakonah, nrvah, vere i obryadah, kotoruyu sobral i obnarodoval Petr Petrei de Erlezunda v Leipcege 1620 goda // Isaak Massa, Petr Petrei. O nachale vojn i smut v Moskovii. M., 1997.
- Platonov S. F.* Drevnerusskie skazaniya i povesti o Smutnom vremeni XVII veka kak istoricheskii istochnik. SPb., 1913. S. 366.
- Polosin I. I.* Social'no-politicheskaya istoriya Rossii XVI – nachala XVII v. Sb. statei. M., 1963. S. 225.
- Psihiatriya: Spravochnik prakticheskogo vracha / Pod red. A. G. Gofmana. M., 2006.
- Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of 16th Century English Voyagers / Ed. by L. E. Berry, R. O. Crummey. Madison, Milwaukee and London, 1968.
- Rukovodstvo po psikiatrii: v 2 tomah / Pod red. akad. AMN SSSR A. V. Snezhnevskogo. M., 1983. T. 2.
- Semenchenko V. F.* Hronika farmacii. M., 2007.
- [*Sevast'yanova A. A.*] Kommentarii // Gorsei D. Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVII v. / Per. i sost. A. A. Sevast'yanovoi. M., 1990. S. 172–214.
- Skazanie Avraamiya Palicyna / Podgot. teksta i kommentarii O. A. Derzhavinoi i E. V. Kolosovoi. M.; L., 1955. S. 102.
- Skrynnikov R. G.* Boris Godunov i carevich Dmitrii // Issledovaniya po social'no-politicheskoi istorii Rossii: Sb. statei pamyati B. A. Romanova. L., 1971.
- Skrynnikov R. G.* Boris Godunov. M., 1983.
- Skrynnikov R. G.* Ivan Groznyi. M., 2006.
- Skrynnikov R. G.* Liholet'e: Moskva v XVI–XVII vekah. M., 1988. S. 147–163.
- Sledstvennoe delo ob ubienii carevicha Dmitriya Ioannovicha, proizvedennoe v Ugliche po poveleniyu gosudarya carya Feodora Ioannovicha boyarinom knyazem Vasiliem Ivanovichem Shuiskim, okol'nich'im Andreem Petrovichem Kleshninym i d'yakom Elizariem Vyluzginym. Pisano 1591 goda, v mae // SGGD. M., 1819. Ch. 2. № 60. S. 103–123.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. M., 1986. Vyp. 11. S. 108–109, 176, 346.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. M., 1988. Vyp. 14. S. 120–121.
- Smulevich A. B.* Depressii pri somaticheskikh i psihicheskikh zabolevaniyah. M., 2003.

- Smulevich A.B., Ivanov O.L., Lvov A.N., Dorozhenok I. Yu.* Psihodermatologiya: Sovremennoe sostoyanie problemy // Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova. 2004. № 11. S. 4–13.
- Stolyarova L.V., Belousov P.V.* Dzherom Gorsei o sobytyyah maya–iyunya 1591 goda v Ugliche i v Moskve // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2011 god: Ustnaya tradiciya v pis'mennom tekste. M., 2013. S. 461–496.
- Suvorin A.S.* O Dmitrii Samozvance: Kriticheskie ocherki, s prilozheniem novogo spiska Sledstvennogo dela o smerti carevicha Dmitriya. SPb., 1906.
- Taimasova L.* Tragediya v Ugliche: Chto proizoshlo 15 maya 1591 goda? M., 2006.
- Topolyanskii V.D., Strukovskaya M.V.* Psihosomaticheskie rasstroistva (rukovodstvo dlya vrachei). M., 1986.
- Veisman A.D.* Grechesko-russkii slovar'. M., 1991. Stb. 495–496.
- Vinokur G.O.* Sobranie trudov: Kommentarii k «Borisu Godunovu» A.S. Pushkina. M., 1999. S. 38.
- Zimin A.A.* Smert' carevicha Dmitriya i Boris Godunov // Voprosy istorii. 1978. № 9. S. 92–94.
- Zimin A.A.* V kanun groznyh potryasenii: Predposylki pervoi krest'yanskoi voiny v Rossii. M., 1986.